

В.А. Костенич (Могилев)

**КАНТОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ
ПРАГМАТИЧЕСКИХ ИСКУШЕНИЙ
«ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА НРАВСТВЕННОСТИ»**

Одной из величайших социальных загадок всегда выступала *проблема культурно-исторического совмещения* экзистенциальной уникальности человеческой личности и, обращенных к ней, императивов общезначимого

поведения. Как, не посягая на личностную суверенность, непротиворечиво и органично увязать между собой пафос свободного самоопределения и ригоризм официальных долженствований культурного «Сверх-Я»? Где и каким образом происходит таинство трансформации и преобразования интенций наших индивидуальных волей в мудрость «ладить с достоинством «Другого». Как, поступая ситуативно, мыслить при этом «глобально и всечеловечески»?

В истории культуры были сформулированы и прошли свою теоретическую и социально-практическую экспликацию несколько вариантов реализации поведенческих стратегий «подлинного человеческого бытия». К числу наиболее авторитетных из них, можно отнести «золотое правило нравственности» и «категорический императив практического разума» Канта.

В некотором роде, оба эти нормативных предписания полемически дополняют друг друга. В контексте «золотого правила...» внимание фокусируется на *содержательном* требовании поступать по отношению к другим людям (и, «Другому», как таковому) в соответствии с нашими собственными ожиданиями их «симметричной реакции» на наши смысловые ориентации. Кант же, как нам представляется, напротив, делает акцент на необходимости блюсти «надлежащую форму» должного поведения и исходить из формального (но содержательно неоформленного) «намерения вести себя общезначимо». То есть, ответственно «изобретать» максимы «возможно должного» поведения. *Подвигнуть Других не к «симметричному ответу», но к «симметричной ответственности»!*

Поясним наше мнение. «Золотое правило», фактически, включает в себя две разных «онтологии поведения». С одной стороны, оно недвусмысленно навязывает «обыденному сознанию обывателя» прагматическую рекомендацию «подкупать расположение Другого» нашей готовностью признавать известную справедливость утилитаристских формул: «я – тебе, (чтобы) ты – мне», «ты – мне, (а) я – тебе»! (Вспомним: «поступай по отношению к другим так, как бы ты желал, чтобы другие обращались с тобой»). Более того, в данном смысловом измерении, золотое правило нравственности имплицитно склоняет человека и к «прагматизму безличного существования», ибо не требует от него героизма самобытности и провоцирует вести себя, всего лишь «как все».

Вместе с тем общеизвестно, что, с точки зрения онтологии моральных отношений, «торг неуместен» и, следовательно, необходимо исходить не из соображений «пользы и выгоды», а руководствуясь «внутренним голосом бескорыстного Должного». Жить не столько «правильно» (по мнению

«других»), сколько «справедно» (с позиций собственных представлений о «должном»). В этой связи и оказывается оправданной «кантовская редакция» золотого правила нравственности.

Кант, «категорически» побуждая человека искать свое «авторское пространство» в области морального долженствования, смещает наше внимание на тот имманентный первосмысл «золотого правила...», который составляет его *действительный (творческий) исток и рефрен*. Для Канта, подлинная «загадка» *золотого правила нравственности* заключена в связке «*так как бы ТЫ...*». В кантовской интерпретации золотое правило (должного поведения), всегда помещает человека перед лицом «абсолютной неопределенности» за его поведенческий выбор, который (однако) «*должен быть безусловно (и всякий раз, уникально) ответственным*». По Канту, следует поступать *так, как если бы* от нашего поступка зависело ВСЕ, а не только наша сиюминутная репутация, *как если бы* сюжетная биография нашего поведения «могла (бы) стать максимой всеобщего законодательства»!

Для Канта в «золотом правиле нравственности», понятием в качестве «категорического императива практического разума», первична не «формальная логика (ожидаемого нами) ответа» на наши поступки, а «диалектическая логика ответственности» и мужественного самоопределения в водоворотах гордынь самомнения или уныний добровольного самоуничтожения.

Согласно Канту, человеку невозможно указать универсальный алгоритм должного поведения, годный для всех и на все времена. Данное обстоятельство становится особенно очевидным, когда «в ответ» на наше благорасположение, мы наталкиваемся на вопиющую, а порой и циничную неблагодарность. Золотое правило нравственности оказывается здесь либо бессильным, либо подталкивает «отвечать взаимностью», обеспечивая нам «алиби» прагматического паритета. Но как далеко это от подлинной «человечности»!

Между тем, гордый отказ Сократа «поступиться принципами»; распятие Христа на Голгофе; подвиг Александра Матросова, закрывшего собственным телом амбразуру вражеского дзота; тысячи анонимных человеческих судеб, явивших миру свидетельства высокого нравственного благородства; парадоксы «этики ненасилия» – все это (и многое другое) – ПРИМЕРЫ СБЫВШЕГОСЯ должного поведения, но не «образцы для подражания». **Человек – «только подобие» Божье, он – лишь – «усилие быть» Человеком!** Таково мировоззренческое завещание «категорического императива» Канта.